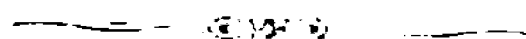

Евгеній Мазепинъ.

ВОЛОСТНОЙ ПИСАРЬ.

РАЗСКАЗЪ.

КАДНИКОВЪ.
Типографія М. Н. Киселеваго.
1905.

~~~~~  
Печатать дозволено цензурою.  
Г. Москва. 17-го Января 1906 года.  
~~~~~

Волостной писарь.

I.

Въ полверстѣ отъ деревни Сосновки стоитъ одинъ себѣ одноэтажный, обширный, съ мезаниномъ домъ, въ которомъ помѣщается, какъ гласитъ полинявшая вывѣска. Кузьминское волостное правленіе.

Небольшое крылечко, похожее на будку, ведетъ въ темный коридоръ. Отворя изъ него дверь налѣво, входите въ волостное правленіе,—въ большую свѣтлую комнату съ деревянной посреди ея рѣшеткой. Въ переднемъ углу виситъ икона Спасителя съ лампадой передъ ней, а на стѣнахъ портреты русскихъ князей, царей и императоровъ. Передъ портретомъ Государя стоитъ длинный четырехугольный столъ, уставленный массивными стульями. Недалеко отъ него, направо, придвинутъ въ уголъ для писаря столикъ со стуломъ. По эту сторону рѣшетки тянется рядъ длинныхъ скамеекъ и жмется въ углу почка-столбикъ. Дверь около столика писаря ведетъ въ совѣщательную комнату, служащую и помѣщеніемъ для прѣзжающихъ, и чайной для членовъ волостного правленія и суда.

По ту сторону коридора двѣ избы: сборная и арестная. Въ мезанинѣ обитаетъ писарь.

Съ восьми часовъ утра въ правленіе стали собираться просители и просительницы. Долго они сидѣли одни, дожидаясь появленія писаря. Наконецъ, часовъ въ одиннадцать прибылъ писарь. При его входѣ всѣ

почтительно встали и низко поклонились. Онъ только слегка кивнулъ имъ головой и ушелъ за свой столикъ.

Писарь былъ уже пожилой, лѣтъ сорока пяти, высокаго роста, угреватый, съ краснымъ носомъ; имѣлъ жену, пятеро дѣтей, получать жалованья пятнадцать рублей въ мѣсяцъ, ухитрился жить безбѣдно и перѣдко выпивать водочку. Ранѣе онъ служилъ регистраторомъ въ уѣздномъ полицейскомъ управленіи, откуда его за пьянство выгнали; въ нуждѣ и за неимѣніемъ другого выхода, онъ поселился въ Кузьминскомъ волостномъ правленіи и жилъ въ немъ уже нѣсколько лѣтъ.

Старшина почти ни-во-что не вмѣшивался: домъ его находился отъ правленія за десять верстъ, онъ прѣзжалъ на службу только въ недѣлю одинъ разъ и то на какіе-нибудь часа три, — поэтому всѣми дѣлами правленія вращалъ писарь.

Низко наклонившись, онъ строчилъ бумаги, какъ-будто никого незамѣчая. Мужичекъ, стоявшій у рѣшетки за его спиной, долго переминался съ ноги на ногу и подкашливалъ, чтобы дать знать о себѣ, но, наконецъ, потерявъ терпѣніе, перѣшительно проговорилъ:

— Ираклій Васильевичъ, я къ твоей милости.

— Что тебѣ надо? — не оборачиваясь, спросилъ писарь.

— Мнѣ паспортъ нуженъ.

— Старшины здѣсь нѣтъ, я выдать безъ него не могу. Приходи дней черезъ пять: старшина въ это время побываетъ, и я тебѣ паспортъ приготовлю.

— Нельзя ли какъ-нибудь и безъ старшины выдать, — просить мужичекъ, а самъ киваетъ писарю головой, чтобы тотъ вышелъ въ сѣни: такъ какъ въ правленіи былъ народъ, то объясняться при немъ неловко.

Писарь сразу смекнулъ въ чемъ дѣло и говоритъ:

— Эхъ, дома я забылъ табакъ, — надо сходить за нимъ.

Въ сѣняхъ ужъ его дожидается мужичекъ. Писарь

идеть, ровпо ничего не замѣчая.

— Ираклій Васильевичъ,—обращается къ нему мужичекъ,—я прихватилъ съ собой полбутылочки. Давай, ее разоньемъ вмѣстѣ.

— Да знаешь ли, я нынче водки не пью,—отвѣчалъ писарь, а у самого глаза такъ и заискрились при одномъ упоминаніи о водкѣ.

— Рюмочку-то можно пропустить,—уговариваетъ мужичекъ.—Послушайся меня, выпей.

— Такъ и быть, ужъ давай когда выпьемъ. Иди за мной.

Мужичекъ потащился за писаремъ въ мезанинъ.

Закусывая обмаканнымъ въ соль хлѣбомъ, они полбутылочку вмигъ опростали. Серьезная фізіономія писаря сразу обратилась въ довольную, сіяющую.

— Ну, какъ, Ираклій Васильевичъ, насчетъ паспорта-то,—заговариваетъ мужичекъ:—вѣдь къ старшинѣ идти далеко, пробродишь взадъ и впередъ цѣлый день, его, можетъ-быть, не застанешь дома; главное-изъ-за моего одного паспорта онъ сюда не поѣдетъ, а мнѣ завтра безпремѣнно надо отправляться на чужую сторону, дожидаться его совсѣмъ нельзя... Будь отецъ родной, устрой, чтобы мнѣ сегодня паспортъ можно было получить. Ты вѣдь у насъ голова,—все, что захочешь, сразу можешь сдѣлать.

— Опо-то я безъ старшины не имѣю права выдать паспортъ; но такъ и быть, для хорошаго человѣка постараюсь устроить безъ лишнихъ волокитъ: я совсѣмъ приготовлю паспортъ, ты съ нимъ сходи къ старшинѣ, пусть онъ подпишетъ его, тогда сегодня же съ этимъ дѣломъ поправишься.

— Ну, когда и спасибо тебѣ на этомъ; но забуду тебѣ такое добро; какъ. Богъ дастъ, ворочусь съ заработковъ, то тебѣ цѣлую бутылочку куплю и скажу: пей,

писарь, за прежнее добро.

Черезъ четверть часа паспортъ былъ готовъ. Передавая его мужичку, писарь предупредилъ:

— Смотри, для подписи сходи съ нимъ къ старшинѣ, иначе паспортъ недействителенъ, — тебя съ нимъ заберутъ.

— Какже, я вѣдь для себя буду стараться, — отвѣчать мужичекъ. — Съ такимъ видомъ мнѣ вѣдь придется мыкаться по бѣлому свѣту; а никто себѣ не врагъ, — самъ не захочу наводить на себя бѣду.

Мужичекъ отправился къ старшинѣ. Писарь занялся слѣдующимъ просителемъ.

Входитъ купецъ, — мѣстный воротила.

Писарь, какъ воробышекъ, соскочилъ съ мѣста и, встрѣчая дорогого посѣтителя, съ радостью говоритъ:

— Здравствуйте, здравствуйте, Семенъ Николаевичъ, проходите, садитесь вотъ на стулъ. Какими судьбами къ намъ пожаловали?

— Къ вамъ и не хотѣлъ, да въ другой разъ зайдемъ, — проговорилъ съ достоинствомъ купецъ, — такъ и теперь: мнѣ нуженъ годовой паспортъ, ты его поскорѣе изготви.

— Да опо, Семенъ Николаевичъ, старшины-то здѣсь нѣтъ, — безъ него мнѣ выдать нельзя.

— Мнѣ что хощь дѣлай, а паспортъ сейчасъ же приготовъ: хоть роди его, да давай: ждать некогда, — дома дѣла много, — сказалъ купецъ и самъ незамѣтно протянулъ къ писарю по столу полтинникъ.

— Не знаю, право, какъ и быть, — говоритъ писарь, закрывая книгой полтинникъ: — отъ всего бы сердца радъ вамъ услужить, да могу ли. Вотъ пороюсь, поищу, нѣтъ ли хоть одного бланка съ подписью старшины. Давно, очень давно онъ подписать на всякій случай два бляка, но едва ли я ихъ не издержалъ.

Писарь подошелъ къ шкафу и нарочно долго рылся въ книгахъ и дѣлахъ, хотя самъ хорошо зналъ, гдѣ

лежать запасная бланки. Наконецъ, постѣ долгихъ поисковъ съ восторгомъ проговорить:

— Счастливы вы, Семенъ Николаевичъ: — вѣдь нашелся одинъ бланокъ.

— Ну, нашелся, — тѣмъ лучше. Давай, пиши живѣй паспортъ, — тороплюсь домой.

Не раскланя головы, писарь настрочилъ паспортъ, вручилъ съ поклономъ купцу, и, проводивъ до дверей, убѣдительно просилъ навѣщать его почаще.

Въ правленіи остался одинъ только въ рваномъ полушубкѣ сѣдой старичонка.

— Тебѣ что нужно? — вскинувъ на него глазами, спросилъ писарь.

— Конію бы надо съ рѣшенія волостного суда.

— Еще неготова, приходи черезъ недѣлю.

— Нельзя ли сегодня выдать: ты вѣдь сегодня хотѣлъ приготовить, я за ней и пришелъ. Въ другой-то разъ мнѣ ходить далеко, — цѣлыхъ восемь верстъ.

— Некогда, дѣдко, было, работы больно много; ночи вынче не сплю, — все занимаюсь. Вотъ поосвобожусь, то приготовлю.

— Знамо дѣло, у писаря работы вдоволь, но только и мнѣ-то конія больно нужна, да и бродить лишній разъ сюда — не по годамъ. Я тебѣ ужъ двугривенный дамъ, а ты выдай мнѣ конію сегодня, — сдѣлай, — добро старику.

— Что ужъ тебѣ, старику, бродить въ правленіе лишній разъ, ужъ я для твоей старости избавлю тебя отъ этой тяготы: посиди немножко, — я приготовлю конію.

— Ну, вотъ, когда и ладно. Ты се пиши, а я посижу, отдохну съ дороги. •

Писарь занялся со всеѣмъ постороннимъ дѣломъ. Черезъ часъ онъ сказалъ:

— Вотъ, дѣдко, и конію тебѣ приготовилъ, — хотя конія ужъ была написана два дня тому назадъ.

— Приготовилъ, такъ и спасибо тебѣ за это. Вотъ тебѣ и за труды двугривенный. Прощай.

— До свиданія, дѣдко, счастливаго пути.

Кряхтя, старикъ выбрался изъ правленія.

— А ты зачѣмъ сюда пришелъ?—спросилъ писарь только-что прибывшаго просителя.

— Года три тому назадъ.—началь проситель,—волостнымъ судомъ присуждено взыскать за потраву съ Ивана Темляка, а въ пользу-то мою пять рублей; деньги до сихъ поръ онъ еще неуплатилъ. то ты сдѣлай милость, постарайся ихъ взыскать. Я бы не сталъ тебя беспокоить, да деньги мнѣ теперь нужны: надо подать платить, а не чѣмъ.

— Ладно, я напишу старостѣ приказъ, чтобы онъ взыскалъ деньги.

— Нельзя ли только поскорѣе: я много разъ просилъ тебя взыскать эти деньги, да все подачи вѣтъ.

— Да у меня не только твое дѣло; а все дѣла вдругъ не исполнишь, потому что одни приказываютъ, другіе предписываютъ, третьи поручаютъ, четвертые предлагаютъ, пятые просятъ, да и всѣмъ надо сдѣлать какъ можно поскорѣе, тутъ мнѣ не разорваться, чтобы всѣмъ угодить; каждый жди своей очереди: прежде надо начальству приготовить, иначе оно съ меня взыщетъ. а потомъ ужъ и просителей удовлетворить.

— Ужъ ты, писарь, постарайся взыскать эти деньги, а я тебѣ за это рублевочку дамъ.

— Ладно, ладно. взыщу твои деньги, будь въ надеждѣ.

Проситель ушелъ. Писарь усердно строчить бумаги.

— Ого, времени-то сколько: скоро три часа, пора обѣдать,—проговорилъ вслухъ писарь и сталъ складывать бумаги... Еще кого-то чортъ несетъ!—съ сердцемъ

сказалъ онъ, услыхавъ въ сѣняхъ шаги.

И дѣйствительно, въ правленіе вошелъ молодой бойкій парень.

— Ты зачѣмъ?—сердито спросилъ его писарь.

— Да вотъ меня вытребовали отсѣживать въ казamat-кѣ пять сутокъ.

— За что это тебя?

— О Николинъ днѣ я немножко подулъ Ваську Горхова. Онъ на меня пожаловался волостному суду: меня и присудили къ аресту на пять сутокъ. Это дѣло было давно, болѣе двухъ лѣтъ тому назадъ.

— Помню я теперь это дѣло.

— Вотъ что, писарь, нельзя ли мнѣ поскорѣе выбраться отсюда. Изладь это, я тебѣ услужу: я съ собой прихватилъ бутылочку, мы вмѣстѣ съ тобой теперь и разопьемъ, а опосля, какъ ранѣе меня отпустишь, то я водкой тебя досыта напою.

— Идетъ. Я запишу, что ты три дня тому назадъ пришелъ сюда, а два-то дня ты просиди здѣсь.

— Вотъ и благодарю. А гдѣ бы намъ съ тобой бутылочку распить?

— Ступай за мной; я обѣдать стану, передъ обѣдомъ мы ее и махнемъ: тогда славно закусимъ.

— Когда и говорить нечего.

И писарь съ арестованнымъ покатили выпивать водочку.

II.

Прошло семь лѣтъ. Старшину смѣнили. Новый попался неграмотный, человекъ смирный, жившій тоже далеко отъ правленія, въ шести верстахъ, то онъ побоялся, чтобы писарь безъ него чего-нибудь не напроказилъ, его уволилъ и взялъ другого, Егора Николаевича Смирнова, родомъ изъ деревни Сосновки.

Девяти лѣтъ Егоръ Николаевичъ, а въ то время

еще Егорка, поступилъ въ земское училище, находившееся въ четырехъ верстахъ отъ его деревни. Мальчикъ онъ былъ толковый, учился хорошо. Учитель служилъ у нихъ давно, лѣтъ двадцать, любилъ свое дѣло, и все, что самъ зналъ и что могъ, вкладывалъ въ умъ своихъ учениковъ, Егорка въ числѣ первыхъ кончилъ курсъ училища. Хотя училище не дало ему обширныхъ знаній, но зато, при малыхъ, но основательно усвоенныхъ свѣдѣніяхъ, развило въ немъ прилежаніе, терпѣніе, увѣренность въ свои силы, смѣлливость и твердый настойчивый характеръ.

Отецъ Егорки служилъ въ правленіи сторожемъ и разсылнымъ. Такъ какъ онъ устарѣлъ, то взялъ Егорку себѣ на подмогу, а главное, для исправленія разсылной части. Егорка разносилъ старостамъ и десятскимъ приказы съ разными порученіями отъ волостного правленія и повѣстки участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ о вызовѣ ихъ на волостной судъ.

Волость состояла изъ тридцати деревень, раскинувшихся большею частью на дальнемъ другъ отъ друга разстояніи; иногда за одинъ обходъ приходилось побывать въ каждой деревнѣ, то Егоркинымъ ногамъ по временамъ очепь доставалось, а особенно осенью въ грязь по-колѣно.

Въ свободное время Егорка писалъ коніи, приказы, подшивалъ дѣла, и такъ какъ онъ былъ любознательный, то приглядывался ко всему порядку писмоводства волостного правленія: рылся въ дѣлахъ, просматривалъ канцелярскія книги и изучалъ ихъ веденіе. Въ правленіи было много кой-какихъ законовъ: уставъ о наказаніяхъ, сборникъ земскаго отдѣла, общее положеніе, воинскій уставъ, уставъ гражданскаго и уголовнаго суд., Х т. св. законовъ, гербовый уставъ, даже уложеніе о нак. и др. Егорка все это отъ корочки до корочки про-

читалъ. Такъ какъ онъ обладалъ прекрасною памятью и изученіе сопровождалось практикою, въ волостномъ правленіи приходится сталкиваться съ самыми всевозможными дѣлами, то многое крѣпко онъ усвоилъ. Но мало онъ пріобрѣлъ свѣдѣній отъ своего предшественника, который въ знаніи законовъ былъ „дока“: въ жизни своей онъ гдѣ только и ни служилъ—и въ полиціи, и въ земской управѣ, и въ казначействѣ, и у слѣдователя, и у земскаго начальника, и въ уѣздномъ сѣздѣ. Всѣ его, какъ парня съ головой, охотно принимали, но также охотно при первомъ его запоѣ и со службы за пьянство гоняли. Вездѣ, въ какіе-нибудь два три мѣсяца онъ изучалъ свое дѣло такъ, что ровно вѣкъ на немъ сидѣлъ.

Въ Кузьминскомъ волостномъ правленіи онъ служилъ подъ-рядъ восемь лѣтъ и слылъ за знатока законовъ. Съ самыми разнообразными дѣлами обращались къ нему мужики: кто за совѣтомъ, кто за составленіемъ прошенія. За совѣтъ онъ ничего не бралъ, сколько ужъ попадетъ водочки, а за прошеніе копѣекъ двадцать, тридцать, а много-что полтинникъ, то кліентовъ у него была масса, а съ кліентами много неслужебной работы. Поэтому, даровому своему помощнику, Егоркѣ, онъ былъ очень радъ, щедро его награждая всякимъ дѣломъ. Видя, что Егорка интересуется законами и кое-что въ нихъ смекаетъ, писарь, какъ подвыпьетъ водочки, то начнетъ изображать изъ себя законовѣда и выкладываетъ передъ Егоркой свои познанія. Егорка всегда со вниманіемъ слушалъ его, удивляясь мудрости своего учителя.

Когда учителя уволили, Егоркѣ ужъ минуло девятнадцать лѣтъ; со службой волостного писаря онъ былъ хорошо знакомъ.

Новый старшина, видя, что у себя есть парень под-

ходящій, не сталъ искать другого, а взять Егорку къ себѣ въ писаря. Вотъ ужъ теперь онъ сталъ не Егорка, а Егоръ да и Николаевичъ, служить онъ писаремъ пять лѣтъ, и старшина имъ не можетъ нахвалиться: все то у него ладно, исправно, да и самъ онъ человѣкъ трезвый, всегда на дѣлѣ.

На видъ Егоръ былъ средняго роста, бѣлокурый, съ голубыми глазами; одѣвался въ триковья пиджакъ и брюки въ заборъ въ катаники или въ русскіе сапоги; зимою носилъ суконную, на борахъ, овчинную поддевку. Почти онъ ни чѣмъ не отличался отъ своихъ земляковъ: онъ родился, выросъ и жилъ среди мужиковъ и больше съ ними имѣлъ общеніе, то и старался принаравливаться къ ихъ обстановкѣ, чтобы не выдѣляться изъ нихъ, такъ какъ людямъ съ одними взглядами и обычаями гораздо легче жить: они чувствуютъ между собою одинаковыми, нѣтъ между ними никакой натянутости, свободно передаютъ они другъ другу все радости и горести, и тогда интересъ къ окружающей ихъ жизни, для всехъ ихъ одинаковъ.

III.

Девять часовъ утра. Егоръ въ правленіи. Толпа просителей ужъ осаждаетъ его.

— Тебѣ, Платоновичъ, вышла изъ сѣзда копія, ты получила ее,—обратился писарь къ просителю Платонову.

— Какъ Платоновъ. такъ и все остальные жители волости, все почти были ему знакомы.

— Пришла, такъ и ладно. Давай ее сюда.

— Надо росписаться въ полученіи ея. Попроси кого-нибудь.

— Да я не знаю кого просить-то.

— Вотъ попроси Краснаго: онъ грамотный, за тебя роспишется.

— Такъ, роспишись за меня,—обратился Платоновъ

къ Красному.

— Ладно. Давай руку въ знакъ согласья.

Платоновъ подалъ.

— Гдѣ писать-то?—спросилъ Красный, подходя къ писарю.

— Вотъ здѣсь, на самомъ низу этой бумажки.

— Много-то мнѣ не написать: я только и могу выводить свое имя и фамилію.

— Только и надо,—остальное я все приготовилъ.

Красный, шевеля губами, началъ выводить крупными печатными буквами имя и фамилію.

— Поскорѣ пиши, больно ужъ тихо выводишь,—замѣтилъ ему писарь.

— Ничего, братъ, не подѣлаешь, круче не могу... Ну, вотъ, слава Богу и кончилъ. Легче возъ дровъ нарубить, чѣмъ подписываться. Дани потъ прошибъ,—говорилъ Красный, утирался рукавомъ пубы.

— Получай, сказалъ писарь,—подавая копію Платонову.

— Ты ужъ мнѣ прочитай, что тутъ написано.

— Писарь не заставилъ себя ждать, прочиталъ.

— Не ладно они разсудили—говорилъ Платоновъ:—корову и амбаръ я не укралъ, а купить, чистыми денежками Ванюкову заплатить тридцать пять рублей; теперь, его ребята и отбираютъ ихъ отъ меня потому, что корову и амбаръ имъ оставила по завѣщанію мать; на самомъ-то дѣлѣ, корова съ амбаромъ не ея, а мужа: корову онъ на свой денежки покупалъ—хотя онъ былъ подживотникъ, но вѣдь, не сложа руки сидѣлъ, что-нибудь зарабатывалъ; лѣсъ на амбаръ онъ вывозилъ самъ, и своими руками его срубилъ, то и воленъ въ своемъ имѣніи—куда хочетъ, туда и можетъ его дѣвать... Ни зач то я отъ этого дѣла не отступлюсь—я дальше буду жаловаться,

— Тебѣ жаловаться-то, Платоновъ, попусту; только будутъ однѣ лишнія издержки.—сказать писарь.

— Это почему?

— Рѣшеніе съѣзда окончательное, свидѣтели ужъ теперь не принимаются, а безъ свидѣтей тебѣ откажутъ.

— Да какіе тутъ свидѣтели, если корова и амбаръ Ванюкова: а его жена мало ли что завѣщала: она записала чужое имѣніе, наследники и давай его отбирать. Такъ не годится дѣлать.

— Такъ что ты на судѣ этого не говоришь. Ты бы все это судьямъ обсказать, да свидѣтелей выставить, что корова и амбаръ принадлежали не женѣ, а мужу, тогда бы рѣшили въ твою пользу, а теперь, для меня такъ какъ хочешь, тебя пусто жаловаться; только напрасно потратишь деньги.

— Чтобы мнѣ, дураку, раньше къ тебѣ придти; ты мнѣ растолковать бы; а теперь вотъ зря лишился коровы; опять придется остаться при одной, не завести ужъ другой, да и хлѣбъ сыпать будетъ некуда; пуще всего жаль денегъ: вѣдь цѣлыхъ тридцать пять цѣлковыхъ пропадаютъ, а ихъ надо взять у мѣста!

— Такъ ты подай прошеніе въ волостной судъ.—посоветовать писарь,—и проси съ того, у кого купилъ корову и амбаръ, взыскать въ пользу твою уплаченные за нихъ деньги.

— Взять-то съ него нечего: онъ принять быть въ подживотники, свое имѣніе, какое у него было, все продать и пропить, а имѣніемъ его жены владѣютъ ребята, то къ ихъ имѣнію не приступишься. Видно ужъ пропали мои денежки.

— Если взять съ него нечего, то, пожалуй, что такъ. Хоть тебѣ и присудятъ, деньги, да получить нечего, одна будетъ тебѣ волокита, да издержки. Лучше ужъ отступиться.

— Видно, писарь, такъ и надо сдѣлать.

— Да оно и не хуже будетъ. А тамъ, если у него что будетъ, то ты, не пропуская десятилѣтней давности, подай прошеніе въ волостной судъ, и тебѣ присудятъ.

— Ну, прощай когда. Спасибо тебѣ на добромъ словѣ. Прошу въ другой разъ совѣтомъ не оставить.

— Прощай. И тебѣ, Красный, есть копія изъ сѣзда,—обратился писарь.—Получи ее и роспишись.

Красный росписался и сказалъ:

— Ты мнѣ ужъ ее прочитай: написано мелко, мнѣ самому ничего не разобрать.

Писарь прочиталъ концію рѣшенія по дѣлу о взысканіи Краснымъ съ торговыхъ домовъ и съ знаменныхъ мѣстныхъ купцовъ пятидесяти рублей убытковъ, причиненныхъ ему порчей луговъ при сплавѣ молеми по бревну, ихъ лѣса. Сѣздъ въ искѣ Красному отказалъ, потому что отвѣтчики представили условія, по которымъ сплавъ лѣса брали на себя подрядчики, и обязались отвѣчать за всѣ убытки, причиненные береговымъ владѣльцамъ при сплавѣ лѣса.

— Какъ же такъ, Егоръ Николасвичъ,—удивился Красный, выслушавъ концію:—вѣдь купцы разоряютъ насъ вкорень и суда на нихъ нѣтъ. Въ прошломъ году у меня одинъ купецъ вырубилъ лѣсъ. Я хлопоталъ, хлопоталъ—никакого толку нигдѣ не могъ добиться, вездѣ отказываютъ; говорятъ, молъ, долженъ отвѣчать за порубку приказчикъ, такъ какъ онъ по условію съ хозяиномъ обязался отвѣчать за всѣ убытки, причиненные при вывозкѣ лѣса хозяина; а въ этомъ дѣлѣ опять хозяева сваливаютъ свою вину на подрядчиковъ, съ которыхъ и взять-то можно—только одну горсть вошлося. Наниши ты мнѣ жалобу губернскому присутствію.

— Мнѣ писать-то жалобъ нельзя. Какъ-то я земскому начальнику послалъ заявленіе о выдачѣ копіи,

написанное моей рукой, онъ меня на три рубля оштрафовалъ. Я ни копѣйкой не попользовался: заявленіе въ услугу изготовилъ, а самому пришлось ниса что, нипрочно заплатить три рубля. Съ тѣхъ поръ я не смѣю никому нисать, чтобы опятъ не налетѣть на штрафъ.

— Такъ что же мнѣ дѣлать? Хоть носоветуй что-нибудь.—съ горестью говорилъ мужикъ.

— Право, я не знаю что тебѣ и посоветовать. Самъ я вижу, дѣло твое правое; слѣдовало бы тебѣ присудить деньги съ самихъ хозяевъ; да земскіе-то смотрятъ на это дѣло съ формальной стороны: имъ представили условіе, они и основываютъ свое рѣшеніе на этомъ доказательствѣ, а не войдутъ въ твое положеніе, что купцы тебя разоряютъ, а тебѣ и получить съ нихъ за убытки ничего нельзя. Попробуй счастья, подай жалобу въ губернское присутствіе. Тамъ, можетъ-быть, войдутъ въ твое положеніе, и рѣшеніе съѣзда отменить. Только жалобу надо написать потолковѣе. Ты сходи въ городъ и попроси какого-нибудь ирисяжнаго или частнаго повѣреннаго составить ее. Авось, тогда что-нибудь и выйдетъ.

— Дѣлать нечего, придется тащить въ городъ нисать жалобу губернскому присутствію. Мнѣ вѣдь жалъ луговъ-то: если теперь ничего съ купцовъ не взять, то они впредь своимъ лѣсомъ и остатки луговъ доведутъ, и правы будутъ.

— Да и въ губернскомъ присутствіи иногда рѣшаютъ дѣла такъ, что просто, прочитая его объявленія, разве-дешь только руками. Такъ, напримѣръ, губернское присутствіе Заслонкинѣ отказало въ жалобѣ такъ: „хотя съѣздомъ статьи закона примѣнены неправильно, но опредѣленіе по существу правильно“... Я слышалъ, что большею частью тамъ не бываетъ засѣданій, а секретарь одинъ домашнимъ образомъ разсматриваетъ и разрѣшаетъ дѣла губернскаго присутствія, а члены его только его опредѣленія подписываютъ.

Еще тебѣ пришло объявленіе изъ губернскаго присутствія по дѣлу съ зятемъ.

— Чѣмъ рѣшено?

— Определеніе създа утвердили.

— Вотъ тебѣ и разъ. И другое дѣло не выгорѣло. Почему же они мнѣ въ жалобѣ отказали?

— Вотъ ужъ и не знаю. Въ объявленіи только и написано, что губернское присутствіе выслушало твою жалобу и, за неимѣніемъ въ ней поводовъ кассаміи, оставило ее безъ послѣдствій.

— Что намъ и за судъ, — удивился Красный — наинъ же волостной судъ разбирать такое же дѣло о взысканіи Макаровымъ съ зятя восьмидесяти рублей приданого, даннаго за дочерью, и ему присудили эти деньги; между тѣмъ, мнѣ такъ отказали, хотя у него дочь жила замужемъ съ чѣмъ-то годъ, а у меня даже и менѣе года; Макаровъ ссылался на свидѣтелей и я тоже; ему можно присудить, мнѣ такъ нельзя. Видно, для волостныхъ судей и земскихъ начальниковъ законъ что вышло, куда его ни поверни, туда и вышло.

— Да и повертывать не надо, — замѣтилъ писарь: — для волостныхъ судовъ, пожалуй и для земскихъ начальниковъ, кромѣ порядка судопроизводства, никакихъ гражданскихъ законовъ не положено: волостной судъ и земскіе рѣшаютъ дѣла по внутреннему убѣжденію, на основаніе мѣстныхъ обычаевъ.

— Значить, какъ ни разсудятъ судьи — и ладно. Тутъ какъ хочешь, такъ и отыскивай свои деньги.

— Ничего, братъ, не подѣлаешь: въ убѣжденіе судей не влѣзешь. И одного и того же рода дѣла они рѣшаютъ неодинаково. Напримѣръ, дѣло Макароваго приданомъ разбирать одинъ составъ волостного суда и земскихъ начальниковъ, который панель, что приданое слѣдуетъ возвращать обратно, а твое дѣло

попало на другой составъ судей, которые взглянули на дѣло совсѣмъ иначе. И винить за это—ни тѣхъ ни другихъ нельзя: судьи рѣшаютъ дѣла на своемъ личномъ, а не на чужомъ убѣжденіи; и каждый судить по своему: одинъ думаетъ—такъ правильно, другой—этакъ. На дѣлѣ выходитъ, что то и другое рѣшеніе правильно. Хотя судьямъ и приказано разъясненіемъ Сената, при руководствованіи мѣстными обычаями, для установленія ихъ, ссылаться на свидѣтелей, но это у насъ не практикуется: волостные судьи считаютъ достаточнымъ одно упоминаніе, что дѣло рѣшено „на основаніи мѣстныхъ обычаевъ,“ и это все сходитъ съ рукъ и въ сѣздѣ и въ губернскомъ присутствіи, потому вездѣ оно такъ въ волостныхъ судахъ и ведется.

— Твоя правда—слѣдовало бы мѣстные обычаи становить на свидѣтеляхъ, а то угости хорошо волостныхъ судей,—вотъ тебѣ и обычай. Да и такъ оно неудобно. Вонъ, въ прошломъ году нашъ волостной судъ утвердилъ въ правахъ наслѣдства къ купленной землѣ, оставшейся послѣ моего сосѣда Ивана Николаева, одну его вдову, а между тѣмъ, послѣ него осталось еще трое малолѣтнихъ ребятъ, которые, конечно, не жаловались на рѣшеніе суда, и оно вошло въ законную силу. Вдова землю-то продала, и нотаріусъ совершилъ купчую крѣпость. Еще ничего, какъ вдова хорошаго поведенія—то деньги употребить на полезное дѣло, а если худого—то испроторить зря; ребятамъ свое имущество послѣ и взять не съ кого. И бѣдствуй они вѣкъ-то. А вонъ, Кузнецовыхъ ребятъ волостной судъ утвердилъ въ правахъ наслѣдства къ имуществу своего отца даже при его жизни... Да я ужъ у тебя больно закалякался—надо домой идти. Благодарю на добромъ словѣ.

— Мнѣ бы надо, Егоръ Николаевичъ, довѣренность засвидѣтельствовать,—обратился къ писарю слѣдующій

проситель.

— О чемъ у тебя довѣренность?

— Да вотъ насъ троихъ вызываютъ въ сѣздъ къ разбору дѣла, то другіе мои товарищи мнѣ даютъ довѣренность.

— Покажи-ка ее.

— На. Вотъ она.

Писарь взялъ довѣренность, просмотрѣлъ ее и сказалъ.

— Гдѣ твои товарищи, которые выдаютъ тебѣ довѣренность.

— Да они подписались дома и послали меня съ довѣренностью сюда, говоря, что намъ въ правленіе не зачѣмъ ходить: писарь и безъ насъ довѣренность засвидѣтельствуетъ.

— Безъ нихъ я не могу удостовѣрить подпись рукъ. Можетъ-быть довѣренность подписали не тѣ лица, которые выдаютъ довѣренность, а совсѣмъ постороннія. Засвидѣтельствуй заочно, тогда и придется отвѣчать.

— Ну, вотъ, стану я тебя обманывать. Да и какая мнѣ изъ-за того корысть.

— Вотъ что я тебѣ скажу: у тебя довѣренность написана на ходатайство во всѣхъ судебныхъ учрежденіяхъ, то придется на нее наклеивать гербовую марку въ восемьдесятъ копѣекъ, а совсѣмъ попусту: ты, какъ участникъ этого дѣла, то безъ довѣренности можешь быть на судѣ и говорить, что слѣдуетъ. Если присудятъ или откажутъ тебѣ, то присудятъ или откажутъ всѣмъ, и довѣренность тебѣ нисколько не поможетъ, только попусту заплатишь восемьдесятъ копѣекъ.

— Какъ-да сѣздъ рѣшить не въ нашу пользу, то я въ городѣ найду адвоката, попрошу его написать жалобу и подамъ ее дальше; а безъ довѣренности же мнѣ за товарищей подавать нельзя.

— Конію ты получишь не сразу — не дѣли черезъ двѣ или три, ранѣе не выдадутъ; а безъ коніи жалобы писать тебѣ никто не станетъ; ждать же ее такое долгое время тебѣ не придется: волей-неволей послѣ суда нужно будетъ идти домой и конію дожидаться. Какъ получишь конію, жалобу вамъ здѣсь кто нибудь составитъ — у васъ дѣло простое; вы къ жалобѣ всѣ трое подпишитесь и сдадите на почту сюда въ правленіе.

— Ты говоришь, что можно обойтись безъ довѣренности и что она совсѣмъ попусту, — то когда мнѣ ее и не надо. Спасибо тебѣ, что избавилъ меня отъ лишнихъ расходовъ. Шутка ли было платить напрасно восемьдесятъ копеекъ: я съ ними схожу на судъ за цѣлыхъ сто верстъ. Прощай. Егоръ Николаевичъ, и впередъ на совѣтъ не оставь.

Какъ время-то идетъ скоро — взглянуть на часы, сказалъ писарь: уже день прошелъ, а я съ народомъ еще почти ничего не подѣлалъ; работы много — видно придется, не разгибая спины, посидѣть вечерокъ. Теперь что-то ѣсти больно охота — пойду обѣдать.

Онъ заперъ шкапъ съ книгами и дѣлами и покати́тъ къ себѣ въ мезанинъ. У него прислуги, кромѣ разсыльного, никакой не было, то онъ дома хозяйничалъ самъ: варилъ себѣ похлебку, собиралъ и убиралъ со стола, и когда отлучался разсыльный, то ставилъ самоваръ; только одинъ хлѣбъ да пироги не приходилось самому печь: ихъ носили изъ деревни, а остальная вся забота о кухнѣ лежала на немъ.

IV.

На другой день, еще въ семь часовъ утра, въ правленіе притащилась старуха и ждала писаря. Когда онъ вошелъ, старуха къ нему обратилась:

— Мнѣ бы надо сыну-солдату послать письмо съ пятью рубликами.

— Дарай письмо сюда.

— То-то, родимый. оно еще у меня не написано: у насъ въ деревнѣ некому написать письма-то. То будь ты добренькій—напиши мнѣ письмецо-то.

— Да, бабушка, писать-то некогда: у меня своего дѣла много. Испроси кого-нибудь другого.

— Кого я найду? И сюда-то шла.—попристала, едва ноги волочу. Ты ужъ напиши мнѣ письмецо-то, сдѣлай такую милость.

— Есть у тебя бумага и конвертъ?

— Какая у насъ, батюшка, бумага и конвертъ: надо за ними идти нарочно въ село за пять верстъ, да и тамъ они не всегда бываютъ.

— Вишь, ты, бабушка, какая ловкая: письмо-то тебѣ напиши. да еще на своей бумагѣ и конвертъ. Ну, да ладно, гдѣ ужъ тебѣ, старухѣ, бродить, напишу. Говори, что писать-то?

Старуха стала рассказывать, а писарь подъ ся диктовку писать.

— Ну, поклоновъ-то ты поменьше посылай,—замѣтитъ писарь:—а то твое письмо до завтрава пропишешь; у меня дѣла не только одно твое письмо.

— Онъ-то всѣмъ кланялся. Если не отписать ему поклоновъ, то изобидится, скажетъ: всѣ забыли меня на чужой сторонѣ; да и поклоны я посылаю не отъ чужихъ, а все отъ родни: отъ отца, отъ матери, отъ братьевъ, отъ сестеръ, отъ божата, отъ дядей, отъ племянниковъ, отъ сватовъ, отъ сватьяшекъ—какъ отъ нихъ поклоны не попишешь. Коли тебѣ недосугъ, то можно поклоновъ и поотбавить—только частицу написать.

Письмо готово. Писарь записалъ его въ денежную книгу и подалъ старухѣ квитанцію. Старуха заплатила за пересылку, и, поблагодаривъ писаря, поплелась домой,

Въ правленіе вошелъ сельскій староста.

— Ты куда, староста, ходилъ?—спросилъ писарь.

— Ходилъ въ городъ сдавать въ казначейство подати, и, идя обратно, я привернулъ сюда. Помѣтъ въ книгѣ, что мною внесено выкупныхъ платежей триста, да земскаго сбора двѣсти пятьдесятъ рублей.

— Давай квитанціи.

— Вотъ онѣ.

Писарь отмѣтилъ и сказалъ:

— Староста, на тебя Матвѣевъ пожаловался земскому, что ты его сыну разрѣшилъ выдать паспортъ. Сынъ его, живя на чужой сторонѣ, будто мало помогаетъ ему, то Матвѣевъ не велѣлъ давать разрѣшенія, а ты его не послушался, выдалъ. Теперь земскій по его прошенію требуетъ отъ тебя объясненіе. Что мы будемъ писать по этому дѣлу?

— Правда, что приходилъ ко мнѣ Матвѣевъ и не велѣлъ давать сыну разрѣшеніе на полученіе паспорта,—говоритъ староста,—но я его спросилъ: „Почему?“—Сынъ получаетъ въ городѣ жалованья пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ, отвѣчалъ Матвѣевъ, а мнѣ посылаетъ только пять рублей въ мѣсяцъ. Этого мало: худо-худо надо бы ему удѣлять мнѣ по десяточкѣ.—Я ему и говорю: „Если не пошлемъ сыну паспорта, то онъ долженъ воротиться домой; дома же ему у тебя дѣлать положительно нечего—здѣсь едва на хлѣбъ себѣ заработать. Будетъ онъ только по посидѣнкамъ бѣгать—отъ него тогда тебѣ не польза.“ Онъ мнѣ отвѣтилъ:—Онъ тамъ сорокъ пять рублей въ мѣсяцъ проживаетъ, а домой на всю семью не хочетъ десяти рублей послать, то пусть когда ѣдетъ домой и ломитъ крестьянскую работу.—„Одно вѣдь зло у тебя, уговариваю я его: ты вѣдь себѣ пользы не дѣлаешь, да и парню вредишь. Онъ тамъ служитъ на хорошемъ мѣстѣ, да и живетъ хорошо, а ты его отъ дѣла отволакиваешь: себѣ не на пользу, а ему только на одинъ вредъ.“ Но Матвѣевъ

все поетъ свое. Тогда я не посмотрѣлъ на него и далъ правленію разрѣшеніе выдать сыну его паспортъ. Такъ ты земскому и опиши все, какъ было на самомъ дѣлѣ.

Писарь изложилъ слово-въ-слово объясненіе старосты, отмѣтивъ въ концѣ еще яснѣе и убѣдительнѣе причины, заставившія старосту, не смотря на возраженіе отца, дать сыну разрѣшеніе на полученіе паспорта. Онъ прочиталъ объясненіе, которымъ староста остался очень доволенъ и подписалъ его.

— Еще къ тебѣ у меня есть просьба,—обратился писарь:—оцѣночное отдѣленіе земской управы просить доставить свѣдѣнія къ 15 сентября сего года объ урожаѣ нынѣшняго года: сколько на десятинѣ посѣяно и собрано ржи, овса и ячменя, сколько сѣна и соломы. Ты мнѣ все это скажи.

— А Богъ ихъ вѣдаетъ, сколько чего народилось на десятинѣ: у насъ почти ни одинъ хозяинъ не знаетъ, сколько десятинъ у него подъ озимовымъ, сколько подъ яровымъ и сколько десятинъ сѣнокосу. Если и есть покосы, гдѣ извѣстно количество десятинъ земли, то они съ лѣсомъ и кустарникомъ; на одной десятинѣ покосишь ли и треть ея, а на другой по кустамъ только съ полвоза насбираешь. Отдѣленіе требуетъ доставить свѣдѣніи къ 15 сентября, а у насъ же до этого времени не только не молотятъ, но даже нерѣдко еще хлѣбъ остается на поляхъ, то вѣрно сказать объ урожаѣ, не измолотивъ хлѣба, совсѣмъ нельзя. Соври имъ что нибудь.

— Вратъ и придется, да такъ и олдуетъ. Одинъ завѣдующій оцѣночнымъ отдѣленіемъ получаетъ полторы тысячи жалованія, а насъ заставляетъ задаромъ имъ работать. У насъ не только, что ихное дѣло: своей работы по горло. За недостаткомъ времени, волей-не-волей приходится посылать имъ вранье; а они тамъ, по-

лучая большія жалованія, только сидятъ въ управѣ, да наше вранье переписываютъ—пересчитываютъ изъ пустого въ порожнее. Лучшее было бы: ѣхали бы сюда сами и на мѣстѣ собирали точныя свѣдѣнія, чѣмъ составленіемъ вранья заниматься. Еще говорятъ, что они люди ученые, а враньемъ занимаются. Оцѣночное отдѣленіе еще не такъ, а податной насъ советомъ замучить со своими свѣдѣніями: хотѣ бросай все остальное дѣло и работай ему одному.

— Если и толкомъ-то собирать свѣдѣнія на мѣстѣ и то точно не опредѣлить урожая—говорилъ староста.—Тогда, но крайней мѣрѣ, хотѣ можно въ каждомъ обществѣ урожай вывести около дѣла. Теперь же,—если помѣтить урожай пона, то для волости будетъ черезъ чуръ добръ, если исправнаго мужика—хорошъ, если средней руки—порядочный, а если худого—плохъ. У пона рожь уродилась сама пятнадцатая, у бѣдняка сама четвертая; напиши то или другое—будетъ вранье: одинъ урожай выйдетъ очень ужъ хорошъ чѣмъ на самомъ дѣлѣ, а другой—худъ. Средній же урожай богатаго и бѣднаго землевладѣльца, выводить тоже нельзя, потому что количество исправныхъ крестьянъ и бѣдняковъ далеко не одинаково, и урожаи тѣхъ и другихъ между собою разнятся. Да я не знаю, на что имъ такіа короткія свѣдѣнія: по нимъ о богатствѣ крестьянъ ничего не узнать. Одинъ хозяинъ и много хлѣба сберетъ, да у него сомъ большая, двѣнадцать человѣкъ, то хлѣба у него не только не хватитъ, но еще придется прикупить, а другой хотѣ и немного намолотитъ, да онъ живетъ самъ-другъ съ женой, мало имъ и хлѣба надо, то у нихъ хлѣба отъ каждаго года даже остается. Тутъ по урожаю, не зная числа дѣдовъ семьи о богатствѣ совсѣмъ не узнать. Чтобы имѣть вѣрныя свѣдѣнія, необходимо наводить болѣе подробныя справки, отмѣчать урожаи каждаго землевладѣльца и количество

его семьи. Это не такъ много составить работы, какъ думаютъ; да и сдѣлать можно очень просто: въ каждой деревнѣ у насъ грамотныхъ ребятъ довольно; осенью и зимою по вечерамъ они ничего не дѣлаютъ и рады хотя какойнибудь работѣ; если дать имъ бланокъ да рубль денегъ, то они сберутъ, каждый въ своей деревнѣ, самыя подробныя и вѣрныя свѣдѣнія; а дѣло сумѣютъ сдѣлать: больно не трудно отмѣтить имя, отчество и фамилію землевладѣльца, количество семьи, посѣва и урожая. Въ нашемъ уѣздѣ есть съ тысячу деревень; если земство израсходуетъ лишнихъ тысячу рублей на учетчиковъ и пятьсотъ на бланки, то, по крайней мѣрѣ, будетъ знать правду. Теперь на одно вранье расходуетъ три тысячи рублей, все-равно что въ печь ихъ бросаетъ: отъ вранья имъ нѣтъ никакой пользы. И ты соври имъ что-нибудь—пусть они во враньѣ тамъ путаются.

— Да нало имъ соврать потолще, чтобы они и впередъ не затрудняли насъ пустой работой. Мой предшественникъ такъ тотъ умно дѣлалъ: какъ-то въ свѣдѣніяхъ закатилъ урожай ржи самъ-сорокъ, а овса самъ-двадцать пять и представилъ ихъ въ оцѣночное отдѣленіе. Оно, хотя въ урожаяхъ ничего не смыслить, такъ какъ въ немъ сидятъ люди ученые, которые въ хозяйствѣ ни ткнуть не знаютъ, поняли все-таки, что имъ его соврали, да черезъ-чуръ толсто, и перестали утруждать своими требованіями. Но что-то нибудь надо мнѣ имъ написать; ты скажи мнѣ хоть примѣрно средній урожай.

Староста разсказалъ, и писарь помѣтилъ на бланкѣ требуемыя свѣдѣнія,

— Вотъ еще податной инспекторъ просить доставить списокъ кружевницъ нашей волости, чтобы заставить ихъ взять промысловое свидѣтельство.

— Ну, братъ, это совсѣмъ напрасно. Иная кружевница, дѣвчонка и въ зиму-то наплететъ на какой-нибудь четвертакъ—а какъ на это выправлять ей свидѣтельство, то, покорно благодарю, не стоитъ шкура выдѣлки. Ты ужъ лучше сообщи, что у насъ кружевницъ нѣтъ и что бабы занимаются пряжей.

— Пожалуй, я такъ и сдѣлаю.

— Мнѣ ужъ пора идти домой. Прощай.

— До свиданія.

V.

Вскорѣ въ Кузьминское волостное правленіе пріѣхалъ слѣдователь. Въ правленіи находился одинъ писарь: разсыльный ушелъ съ приказами по волости. Следователь былъ знакомъ писарю, такъ какъ онъ нерѣдко посѣщалъ правленіе, гдѣ иногда, производя слѣдствіе, жилъ по нѣскольку сутокъ. Писарь съ радостью встрѣтилъ его, какъ хорошаго знакомаго, а не грознаго начальника и спросилъ:

— Не хотите ли чаю?

— Пожалуй, онъ не мѣшаетъ: погода стоитъ холодная—я озябъ, надобно отогрѣться. Скажите, пожалуйста, разсылному, чтобы онъ поставилъ самоваръ.

— Разсылнаго нѣтъ, ушелъ съ приказами. Я самъ сейчасъ скипачу самоваръ.

— Да гдѣ вамъ самимъ хлопотать—не ставьте: я ужъ лучше подожду, когда разсылный воротится.

— Ничего, мнѣ недолго поставить. Я для васъ съ удовольствіемъ его согрѣю.

— Вотъ что я васъ попрошу: разсылный ушелъ, а мнѣ необходимо вызвать народъ,—нѣтъ ли у васъ кого-нибудь въ правленіи, хоть изъ постороннихъ, чтобы послать его за десятскимъ для созыва народа.

— На ту пору никого не привелось; но вы объ этомъ не беспокойтесь: вотъ я поставлю самоваръ и, покамѣстѣ

онъ кипитъ, сбѣгаю за десятскимъ—здѣсь близко.

— Мнѣ, право, совѣстно васъ утруждать. Можно немного и подождать: кто-нибудь подойдетъ, то сходить.

— Ничего, я сбѣгаю.

Поставивъ самоваръ, онъ живо воротился съ десятскимъ, который, получивъ порученіе, немедленно отправился за народомъ. Тѣмъ временемъ скипѣлъ самоваръ. Писарь поставилъ его на столъ и собралъ посуду.

— Вы зачѣмъ заварили чай,—сказалъ слѣдователь:— у меня вѣдь свой есть.

— Не стоитъ вамъ объ этомъ разговаривать: чай, не Богъ знаетъ, что стоитъ.

— Садитесь со мной чай пить.

— Кушайте одни, я и потомъ напьюсь.

— Садитесь безъ всякаго стѣсненія. Вотъ уже вамъ стаканъ налить; закусите булки, сухарей, колбасы—чего хотите.

— Благодарю васъ. Хорошо когда, я стаканчикъ выпью.

— Кушайте на здоровье. Вы давно здѣсь писаремъ?

— Уже седьмой годъ пошелъ.

— Нравится вамъ эта служба?

— Не знаю, право, какъ вамъ и сказать—самъ себя объ этомъ я никогда не спрашивалъ. Хоть нравится или не нравится, служить надобно—дома жить нечѣмъ: семья у насъ большая, девять человѣкъ, хлѣба на годъ далеко не хватаетъ, земли мало, кромѣ меня въ семьѣ работниковъ довольно, то я дома совсѣмъ лишній; волей-неволей и приходится пріискивать другое занятіе. Вотъ служу писаремъ и думаю: и то слава Богу, что имѣю кусокъ хлѣба.

— Гдѣ вы учились?

— Въ земскомъ училищѣ. Учитель у насъ попался очень хорошій, кончившій учительскую семинарію,—онъ

научилъ меня уму-разуму. Не поучись въ училищѣ, то теперь пасъ бы по лѣтамъ коровъ.

— Сколько вы получаете жалованіа?

— Жалованіе у насъ маленькое—пятнадцать рублей въ мѣсяцъ. Изъ нихъ домой даю на подмогу хозяйства три рубля. И приходится содержаться и одѣваться на двѣнадцати рубляхъ. Хотя и въ деревнѣ, да надо больно аккуратно жить, чтобы на двѣнадцати рубляхъ въ мѣсяцъ прокормиться и не въ тряпкахъ ходить. Конечно, еели бы жить такъ, какъ жилъ мой предшественникъ, который, елико-возможно съ кого, дралъ деньги за каждый пустякъ, то, при трезвомъ поведеніи, можно бы мнѣ денежки имѣть. А у меня не такой характеръ: мнѣ ни за что не взять денегъ за услугу по волостному правленію. Подумаешь: „я получаю за работу жалованіе, а еще какъ стану брать съ каждаго просителя деньги, то это будетъ съ моей стороны пехорошо: мужики, волей-неволей, отдадутъ тебѣ трудовыя деньги, которыя платить имъ не слѣдуетъ, такъ какъ за свою работу писарь иолучаетъ жалованіе, собранное съ нихъ же,—а съ одного и того же вола двухъ шкуръ не дерутъ; иногда самимъ мужичкамъ деньги очень нужны, а тутъ приходится ихъ совсѣмъ напрасно отдавать“. Какъ разсудишь объ этомъ, то, хотя тебѣ очень предлагаютъ взять деньги, возмешь, да наотрѣзь и откажешься отъ нихъ.

— Куда вы гулять ходите? Есть у васъ въ волости хоть какое-нибудь общество, гдѣ вы всѣ вмѣстѣ собираетесь сидѣть?

— Какое-то вы вздумали у насъ общество. А особенно какъ у меня—такъ нѣтъ не только общества, но даже близкихъ знакомыхъ. Я, какъ говорится, ни ракъ ни рыба; отъ одного берега отсталъ и къ другому не присталъ. Уже вмѣстѣ съ деревенскими ребятами бѣгать по посидѣнкамъ, мнѣ какъ-то не пристало; хотя я не

стороплюсь ихъ и стараюсь жить по-дружески съ ними, но они смотрятъ на меня косо, чуждаются меня, какъ-будто я имъ какая-то перовина; да въ мои года, двадцать пять лѣтъ, ходить на посѣтки у насъ не принято. Село отъ насъ въ шести верстахъ; туда я хожу-только къ обѣднѣ; нигдѣ тамъ не бываю: влѣзати въ знакомство съ попами да купцами—я самъ не хочу, потому что они на нашего брата, иисарой, смотрятъ ужъ больно худо, считаютъ ровно по-низко водить съ нами, иисарями, компанію. Они сторонятся меня, а я не хочу навязываться, если имъ меня не надо. Да если ходить по гостямъ, то и къ себѣ нужно принимать, а на моемъ жалованіи—не до гостей, далеко на двѣнадцати рубляхъ въ мѣсяцъ не разгуляешься, только, дай Богъ, самому оному быть. Иногда скучно сидѣется, сходить бы посидѣть въ деревню къ своимъ сосѣдямъ, да идти боишься: какъ-да кто прѣдетъ, земскій или кто другой, то нагоняй получишь. И заблагоразсудишь, что ужъ спокойнѣе дома сидѣть. Такъ и прозябаешь постоянно въ правленіи, перебиваясь изъ-дня-въ день съ одними мужиками, съ которыми о ихъ дѣлахъ и калякать-то надоѣтъ. Если заѣдетъ сюда какой чиновникъ, то думаешь чтобы только поскорѣе онъ убрался отсюда. Радъ, очень радъ былъ бы, если бы все посѣщали такіе люди, какъ вы; ждешь и встрѣчаешь насъ, ровно дорогого гостя: по крайней мѣрѣ, съ вами, какъ съ хорошимъ человекомъ, по душѣ поговоришь. А то прѣдетъ изъ полиціи какой-нибудь грошевый нисоцъ и ломаетъ изъ себя, Богъ знаетъ, какого начальника, кричитъ на меня, распоряжается, словно я его подчиненный; чуть скажешь, не по ему, заоретъ еще пуще, затопаетъ ногами, угрожаетъ нажаловаться земскому. „Лучше ужъ отъ дурака отступиться,“—подумаешь иногда... и принимаешь его за начальника. Онъ напьется моего же чаю, да съѣстъ

мой же обѣдъ, и ровно такъ и надо, не сказавъ даже спасибо, покатить далѣе.

— Вы бы въ шею гнали такихъ начальниковъ, чтобы они впередъ не позволяли съ вами такъ обращаться.

— Мое-то дѣло больно маленькое; оскорбишь его, онъ нажалуется земскому: тотъ ему, а не мнѣ. повѣритъ, — и отдѣлывайся тогда штрафомъ или арестомъ.

— Ну ужъ, незавидное ваше житье. Вы бы поступили на другую службу.

— Куда же возьмутъ меня съ образованіемъ сельскаго училища? Нынче кончившіе гимназію да университетъ, живутъ иногда безъ всякаго дѣла, а мнѣ такъ и соваться нечего. Видно, весь вѣкъ придется трепаться писаремъ.

— Работы у васъ много?

— Если по настоящему заниматься, хватило бы на троихъ, а тутъ одному приходится все исполнять. Однѣхъ книгъ нужно вести — такъ ихъ не скоро пересчитаешь: рѣшеній волостныхъ судовъ, сдѣлокъ и договоровъ, постановленій волостного правленія, волостныхъ приговоровъ, податей, запаснаго мірскаго капитала, прихода и расхода по волостному правленію, не одна книга учета запасныхъ нижнихъ чиновъ, паспортовъ, входящая, исходящая, квитанціонная книга въ пріемъ на земскую почту денежной и страховой корреспонденціи, для выдачи корреспонденціи и другія; даже перечислять книги надо время, не только вести ихъ. Писарь, хотя и не въ полномъ объемѣ, долженъ быть знакомъ: и съ веденіемъ судебныхъ дѣлъ, и съ нотаріальной частью, и съ правами сельскихъ должностныхъ лицъ, и съ конторскимъ дѣломъ, и съ военнымъ и съ гербовымъ уставомъ, и съ дѣлами судебного пристава, и полиціи, и почты... Какихъ только дѣлъ ни приходится дѣлать волостному писарю, и за какихъ-нибудь

пятнадцать рублей въ мѣсяцъ!

— Нынче вѣкоторыя земства хотятъ имѣть болѣе образованныхъ писарей, кончившихъ городское училище и знакомыхъ съ ихъ дѣломъ, для чего набираютъ мальчиковъ для подготовленія при уѣздномъ съѣздѣ земскихъ начальниковъ.

— Не знаю, выйдетъ ли что изъ этого. Изъ городскихъ училищъ нынче выходъ хорошій: и въ техническія, и въ лѣсныя, и въ фельдшерскія школы, и въ учительскія семинаріи ихъ принимаютъ, то я думаю, мало найдется охотниковъ тренаться волостнымъ писаремъ на грошовомъ жалованіи. Да въ съѣздѣ они многому не научатся, развѣ что познакомятся только съ судебнымъ дѣломъ, а остального имъ безъ практики основательно не понять, тѣмъ болѣе, въ съѣздѣ и обучать ихъ некому: секретарь и писцы сами не знаютъ дѣла волостного писаря, то немногому научатъ своихъ учениковъ. Если которые изъ нихъ и поступятъ на должность волостного писаря, то, навѣрное можно сказать, что они вскорѣ сбѣгутъ съ нея. Вотъ жизнь учителей не нашему чета: жалованіе у нихъ больше, отъ военной службы освобождаются, свободного времени много, служба самостоятельная, почти ни отъ кого независимая, при старости или болѣзни земство даетъ пенсію, дѣти ихъ обучаются бесплатно и нерѣдко на счетъ земства въ гимназіяхъ и университетахъ — но все-таки нѣкоторые бѣгутъ изъ деревни; остаются тѣ, если кто женился и пообзавелся хозяйствомъ, да кому дѣваться больше некуда. Хорошо, что на ихъ мѣста принимаютъ женицынь, съ небольшимъ образованіемъ, а то, пожалуй, некому было бы учить ребятъ. Теперь уже въ училищахъ учительницъ будетъ вдвое больше чѣмъ учителей. Если люди и при хорошихъ льготахъ бѣгутъ изъ деревни, то неужели они,

не имѣя ничего такого, будутъ жить въ писаряхъ, гдѣ служба—хуже не надо? Писаря жалованье получаютъ маленькое—едва на хлѣбъ, на соль; нѣтъ у нихъ никакого отдыха; занятъ изо-дня въ день круглый годъ, нѣтъ у нихъ никакого праздника; если праздникъ—работы еще больше: народъ выбираетъ свободный день и идетъ въ правленіе за дѣломъ; отлучился и ненадолго—боишься: какъ-да кто пріѣдетъ, налетишь подъ наказаніе; чуть по службѣ неисправность, не только отъ себя, а по незнанію,—жди себѣ бѣды: каждый день дрожи, что земскій за какое-нибудь пустяшное дѣло подвергнетъ тебя аресту или штрафу; правильно или неправильно онъ накажетъ. жаловаться некуда, а безъ разговоровъ тащись за сто верстъ подъ арестъ или плати штрафъ. Ну, въ другихъ службахъ хоть мѣста крѣпки, а у насъ—хорошо, что нравишься земскому и старшинѣ, да по нимъ все дѣлаешь, а чуть что, ступай куда угодно, ищи гдѣ хочешь, себѣ мѣста; особенно, при перемѣнахъ старшинъ, часто гоняютъ нашего брата. Да и жалованіе у насъ неопредѣленное: платятъ мнѣ пятнадцать рублей въ мѣсяцъ, найдутъ сходомъ, что оно велико, что можно и подешевле писаря нанять... и сбавятъ тебѣ четыре рубля. Тогда хочешь-не-хочешь, живи на одиннадцати рубляхъ, а то ступай на всѣ четыре стороны бѣлаго свѣта. Въ другія-то мѣста насъ не больно принимаютъ, потому что про насъ слава идетъ, что мы, писаря, всѣ пьяницы. Не знаютъ они, вѣдь не съ радости, а съ горя пьетъ писарь: у него только и удовольствія—забыться отъ водочки. Иногда раздумаешься про свое горе-горькое житіе, то, если бы не жаль семьи, пошелъ бы куда-нибудь жить изъ-за одного только хлѣба. Нужда, крайняя нужда заставляетъ служить насъ писаремъ, а то, Богъ съ ней, съ этой и службой-то: бываетъ отъ нея на сердцѣ такая тоска, что не знаешь

бы куда и дѣваться!

— Вы бы женились; все-таки семейному веселѣ жить. А то одни, да одни.— и пойдетъ на васъ тоска.

— Я самъ про это думалъ нѣсколько разъ, но все еще не могу рѣшиться. Пуще всего надоѣло самому хозяйничать—заниматься бабьимъ дѣломъ. Если жениться—придется своихъ бросить; уже женатому изъ моего жалованія совѣтъ имъ будетъ нечего давать; а если не помогать отцу старику, тогда ему—надѣвай на руку корзину... И жалъ покидать семью, своихъ братишекъ и сестреночъ. Только ужъ развѣ, расположившись на волю божію, жениться, не раскидывая далеко умомъ, какое тамъ житье будетъ. Всего хуже у насъ съ дѣтьми: они, выросшіи въ другой обстановкѣ, не крестьяне; земли мало—нечего и думать, чтобы ребята землей прожили. Учить въ городѣ—дорого стоитъ, не по средствамъ; если мало поучить—дѣваться почти совѣтъ имъ некуда; только и остается: поучивъ своихъ ребятъ въ сельскомъ училищѣ, вріучать ихъ къ писарскому дѣлу, или отдавать въ городъ торговцамъ въ мальчики, куда и то нескоро устроишь. А когда придетъ старость, или постигнетъ тебя болѣзнь, что не въ состояніи будешь работать, ужъ не жди себѣ никакой помощи—никто не позаботится о тебѣ и не поможетъ въ несчастьи... Лучше ужъ не задумываться о своемъ житиѣ, а живи съ пословицей: утро вечера мудренѣе.

Теперь посудите сами: неужели люди, которые имѣютъ возможность устроиться лучше, согласятся служить волостнымъ писаремъ?... Что это я заболтался,—спохватился писарь:—вы навѣрно закусить хотите; не угодно ли вамъ: у меня есть масло и яйца—я селяночку вамъ приготовлю.

— Хотя закусить мнѣ хочется, но мнѣ совѣстно васъ утруждать: и безъ того я надѣлать вамъ много хлопотъ.

— Ничего, это недолго. Я сейчасъ вамъ приготовлю.

Вскорѣ появилась на столѣ селянка. Слѣдователь, болтая съ писаремъ, съ удовольствіемъ поѣлъ. Допросивъ свидѣтелей, онъ, поблагодаривъ отъ души писаря, подалъ ему за угощеніе рубль. Писарь не брать. Принилось, уѣжая, оставить рубль на столѣ.

VІ.

Зима. Утро. Въ правленіи холодно. Писарь сидитъ за столомъ и жметъ въ своемъ пиджачникѣ. Отъ холода онъ даже весь посинѣлъ.

— Что ты, Васька, какъ худо топишь; смотри, какая у тебя стужа,—обратился онъ къ разсыльному, молодому, небольшого роста, парню лѣтъ восемнадцати.

— Кажется, я хорошо топилъ; не знаю, отчего это такъ холодно.

— Ты вѣдь вчера не все печи топилъ?

— Все, кромѣ одной.

— Ну, братъ, сегодня и эту не топи.

— Ладно. Да только, Егоръ Николаевичъ, дрова-то больно сыры—они пицатъ, а ничего не горятъ.

— Ты больше клади—ихъ не жалѣй.

— Я и то не жалѣю, полную печку кладу, но ихъ по часу и болѣе невозможно растопить—гаснутъ да и все; покажется растапливаешь, въ правленіи все и выстынетъ. Дрова-то бы къ ночи класти: тогда бы они посохли, скорѣе растопились бы.

— Лучше ужъ я въ холодѣ посижу, а къ ночи дровъ ты не клади. Пожалуй, еще пожаръ надѣлаешь: дрова насохнутъ, да и загорятся, тогда снанимъ мы съ тобой правленье-то.... Давай, скорѣе поворачивайся: надо бѣжать съ повѣстками по волости—въ это воскресенье будетъ волостной судъ.

— Много повѣстокъ-то нужно разпослать?

— Порядочно, по десяти дѣлаютъ; въ шести дерев-

няхъ придется побывать.

— А въ которой конецъ надо идти?

— Къ деревнѣ Васютинской.

— Ого, какъ далеко: вѣдь въ одинъ конецъ верстъ двѣнадцать будетъ. Если дожидаться, когда печки про-
тоятся, то мнѣ сегодня домой не воротиться.

— Ты только накладн дровъ, да затопи, а я посмотрю за печками, пошевелю и skutаю. Лучины-то въ печь побольше подложь, а то какъ въ прошлый разъ посмо-
трѣлъ послѣ тебя—всѣ печи погасли; пришлось всѣ самому подтоплять.

— Лучины-то я кладу много, да дрова-то не сухи; а сегодня постараюсь, чтобы тебѣ не пришлось послѣ меня подкладывать растопки.

Черезъ часъ разсылный сказалъ:

— Печки затопилъ. Давай повѣстки—я сейчасъ по волости отправлюсь.

— На, вотъ. Ступай. На что гармонью-то берешь—
вѣдь теперь съ ней руки себѣ отморозишь.

— Не люблю я безъ гармоніи ходить. То-ли дѣло, какъ тальянку разведешь—всѣ въ окна на тебя гля-
дятъ. Да и волокомъ ее разведешь, когда идешь ночью, то куда-какъ веселѣе.

— Енѣ зайди по пути къ старшинѣ и скажи, чтобы онъ вотъ эти бумаги подписалъ.

— Ладно. Хоть у него чаю напьюсь. Больше ничего?

— Ничего. Ступай.

Разсылный складъ въ кожаную сумку бумаги, по-
вѣстки и пироги, вскинулъ ее черезъ плечо, и выйдя изъ правленія, нахлобучилъ на одинъ бокъ шапку, раз-
велъ гармонію и покатылъ съ повѣстками по волости.

Въ воскресенье, послѣ обѣдни, часовъ около двѣ-
надцати, въ сборной избѣ мужики шумно разговаривали, дожидаясь суда. Писарь, провѣривъ вызываемыхъ, от-

мѣтилъ, кто не явился.

Судьи, въ суконныхъ шубныхъ поддевахъ со знаками на груди, усѣлись за столъ. Писарь примостился сбоку.

— Сейчасъ будетъ разбираться дѣло о нанесеніи побоевъ Петрову Федоровымъ,—сказалъ предсѣдатель.— Кто явился по этому дѣлу?

Подопли пять мужиковъ: обвинитель, обвиняемый и три свидѣтеля.

— Свидѣтели, выйдите въ сборную избу,—сказалъ предсѣдатель.

Свидѣтели вышли. Писарь прочиталъ прошеніе.

— Расскажи, Петровъ, какъ у васъ было дѣло,—обратился предсѣдатель къ потерпѣвшему.

Петровъ, сухощавый, вертлявый мужиченка, откашлявшись въ ладонь, началъ:

— Около Ильина дня у нашего попа была помочь—косили пожню. На помочи было много народу. Попъ насъ водкой изрядно угостилъ. Домой насъ отправилося пятеро: я, Федоровъ и еще трое, которые теперь свидѣтелями. Шли мы дорогой и, какъ были выпивши, шумно разговаривали... Вдругъ, хлесь меня Федоровъ по уху, да и давай трепать, ровно сидорову козу!... Я не знаю, что бы онъ со мной сдѣлать, какъ бы товарищи ни пристали, ни оттапчили его: кажется, до смерти прихлесталъ бы. И за такіе мнѣ побои прошу васъ, судьи праведные, наказать Федорова по закону?

— А что ты, Федоровъ, его колотилъ?—спросилъ предсѣдатель.

— Да что, ужъ надо правду говорить,—началъ здоровый рыжий Федоровъ.—Шли мы съ помочи пьяные, и меня Петровъ, не знаю и за что, сталъ всячески ругать. Я не словистъ, не могъ на словахъ отъ него отборониться--и потрепалъ его немножко.

— Ты за что, Петровъ, его бранишь,—обратился председатель.

— Онъ у меня полосу перекосилъ. Пьяной-то я припомнилъ, ну и сталъ ему говорить.

— Говорить-то ты могъ, а ругать-то его не слѣдовало, Видишь: ты самъ началъ ссору, а жалуешься на Федорова, чтобы его наказали. Васъ обоихъ надо посадить подъ арестъ: чтобы одинъ напрасно не позорилъ, а другой, чтобы зря рукамъ воли не давалъ. Если тебя оскорбили, то ты долженъ жаловаться, куда слѣдуетъ, а не своимъ судомъ расправляться. Вы оба виноваты, то надо помириться.

— Я такъ мириться не прочь,—сказалъ Федоровъ.— Что ужъ дѣлать—если онъ меня всячески обозвалъ, то я ему обиду прощаю. А на счетъ полосы онъ напраслину на меня говоритъ: полосу-то перекосила невзначай моя баба; я замѣтилъ это тогда, когда стою уже сметали. Если ему жалко охабки сѣна, которое мы убрали съ перекося, иначе, какъ оставить, оно также бы сгнило, то пусть онъ у меня возьметъ двѣ охабки сѣна, и я ничего про это не скажу.

— Ну, что, Петровъ, ты мирисься съ нимъ.

— Какже, судьи праведные, мнѣ съ нимъ мириться-то, посудите вы сами: ну, я его хоть немножко и поругалъ, то невелика бѣда, его не убыло, а онъ такъ меня оттузилъ, что я три дня пролежалъ—не могъ работать.

— Ты, Федоровъ, попроси у него прощенія.

— Ну, виноватъ передъ тобой, такъ прости,—кланяясь въ поясъ,—говорилъ Федоровъ.—Оба мы съ тобой были пьяны, то не съ ума, а съ вина поссорились. Были бы трезвые, этого не случилось бы.

— Да отъ побоевъ-то я убытку понесъ—три дня не работалъ. Вѣдь это что-нибудь стоитъ.

— Вотъ что вы лучше сдѣлайте,—посовѣтовать пред-

сѣдатель:—уговариваться-то выйдите въ сѣни.

— Такъ что, пойдѣмъ,—сказалъ Петровъ.

— Идемъ,—согласился Федоровъ.—Тамъ гораздо лучше: уговариваться свободнѣе.

Тыжущіеся вышли.

— На чемъ мы съ тобой будемъ мириться-то? спросилъ Федоровъ.

— Давай на мировую два рубля, я помирюсь, а иначе ни-за-что не спущу.

— Что ты—два рубля! Съ ума ли что-ли ты, парень, спятить.

— Ничего не спятить. Я изъ-за тебя три дня потерять; въ это время два-то рубля вполне достать бы.

— Ничего не достать бы. Ты бы не одинъ день съ похмелья на печи зря бы провалялся.

— А ты то много ли даси?

— Такъ и быть—я куплю бутылку водки; мы ее вмѣстѣ разопьемъ—и на что лучше мировой. Да и наше-то дѣло съ тобой сосѣднее—грѣхъ ссориться, лучше жить въ ладу. Если мы теперь помиримся, то и отъ волокиты оба избавимся.

— Ну, ладно когда, такъ и быть—я согласенъ. Пойдемъ писать мировую.

— Мы помирились, наше дѣло прекратите,—сказалъ Петровъ, войдя въ правленіе.

— Помирились, такъ и ладно сдѣлали,—сказалъ председатель:—вѣдь худой миръ лучше хорошей ссоры. Запиши. писарь, мировую. Разсыльный, позови сюда свидѣтелей. Вы можете идти домой,—сказалъ свидѣтелямъ председатель.

— Мы потеряли цѣлый день—и напрасно: насъ вызвали—и не спросили; они, вишь, затѣяли дѣло, да и помирились,—то нельзя ли памъ съ нихъ подевшину присудить.

— Это вы какъ хотите, такъ съ ними и раздѣляйтесь, а намъ присудить нельзя, — объяснилъ председатель. — Теперь ступайте домой.

Все участники этого дѣла вышли изъ правленія. На улицѣ свидѣтели пристали къ Федорову и Петрову.

— Вы насъ совсѣмъ напрасно изволочили, — говорили они. — Цѣлый день попусту мы неѣвши просидѣли изъ-за васъ въ правленіи, то хоть за это угостите насъ чаемъ съ кренделями.

— Оно, пожалуй и слѣдуетъ ихъ угостить, — сказалъ Федоровъ: — вѣдь они изъ-за насъ потеряли цѣлый день. Давай ужъ пополамъ угостимъ ихъ чайкомъ-то.

— Ты виноватъ, что меня прибилъ, — ты ихъ и угощай, а я не стану,

— А много ли вамъ, ребята, падо-то? — спросилъ Федоровъ.

— За чай за троихъ пятнадцать копѣекъ, — началъ объяснять одинъ изъ свидѣтелей, — да за три фунта кренделей двадцать четыре копѣйки, а всего тридцать девять копѣекъ.

— У меня, ребята, вамъ денегъ-то не хватитъ. Есть всего на всего восемьдесятъ копѣекъ. Изъ нихъ падо бутылку покупать, полтинникъ за нее платить, то гамъ и остается тридцать копѣекъ, а взять больше негдѣ. Такъ ужъ ты девять-то копѣекъ имъ доложь, — обратился Федоровъ къ Петрову.

— Ладно, что ужъ съ тобой дѣлать, я добавлю.

Сдѣлавъ расчетъ, тяжущіеся и свидѣтели покатили въ трактиръ докапчивать мировую.

VII.

Поздно вечеромъ возвращались домой наши тяжущіеся и свидѣтели, довольные, веселые и шумно разговаривали между собою.

— Ладно, что вы, ребята, помирились. — говорилъ одинъ

изъ свидѣтелей:—вонъ, въ прошломъ году я подалъ прошеніе волостному суду на Зауголкина за то, что онъ меня среди деревни прибилъ. Волостной судъ призналъ насъ обоихъ виноватыми и приговорилъ меня и его за драку на улицѣ аресту на два дня. Мнѣ больно обидно показалось: я жаловался суду, потому что меня прибили, и меня же за это посадили подъ арестъ, а главное, наказать меня никто не просилъ. Я подалъ земскому жалобу на волостной судъ, отъ него мнѣ ничего добраго не вышло. И пришлось въ казематѣ отдуваться двой сутки. Вотъ каково судиться на волостномъ судѣ. И вамъ того бы обоимъ не миновать; а теперь, разлюбивсе дѣло: безъ всякихъ волокить, да и между собой стали прежними пріятелями.

— У меня такъ дѣло еще почище было,—началь другой свидѣтель.—Нѣкоторые изъ нашей деревни, въ томъ числѣ и я, продали одному купцу молоко. Условіе заключать ходили въ городъ. Самъ-то купецъ не живетъ въ городѣ, а все дѣлаетъ черезъ своего управляющаго, который въ то же время служить приказчикомъ у другого купца. Мы попросили съ заключеніемъ условія угостить насъ. У приказчика денегъ не привелось, онъ попросилъ своего хозяина, у котораго онъ служилъ приказчикомъ, дать намъ денегъ на четверть вина. Тотъ вамъ далъ. И такъ мы надрызгались, что я не помню, какъ очутился въ участкѣ. Оказывается, что я шель улицей пьяный, свалился въ канаву, расшибъ себѣ до крови голову и тутъ же уснулъ. Меня, добраго молодца, подобрали и отправили спать на болѣе покойное мѣсто. Прошло два мѣсяца. Вдругъ я получаю повѣстку: вызываетъ меня земскій для допроса въ качествѣ свидѣтеля по обвиненію купца, который намъ подавалъ на водку, въ томъ, что онъ неумышленно нанесъ мнѣ рану. Прихожу къ земскому. Оказывается, что надзира-

тель города составилъ на кунца протоколъ, что тотъ напоилъ меня виномъ такъ, что я разбилъ себѣ голову, и тѣмъ по его винѣ нанесена мнѣ рана. Земскій кунца-то оправдалъ, а меня, за шатаніе по городу въ пьяномъ видѣ, приговорилъ аресту на сутки. Былъ свидѣтелемъ—обратился въ обвиняемаго, и пришлось сутки отдываться въ земскихъ каморахъ. И не приведи Богъ, впередъ знаться съ судами. И удивительное это дѣло, ребята: вотъ у насъ ужъ перебывало шесть земскихъ начальниковъ и ни одного изъ нихъ не было настоящаго, который бы знать хорошо законы и крестьянское наше положеніе. Сначала послали намъ скотскаго доктора: вишь, онъ учился и умѣетъ скотину лѣчить и съ ней обращаться, а тутъ его заставили судить насъ и устраивать по своему нашу жизнь; послѣ него поступилъ акцизный, который хорошо знаетъ градусы водки; послѣ акцизнаго дали трехъ офицероръ, которые ваучены были сражаться, а на закрѣпу всего послали намъ актера, къ тому же еще мало поучившагося. Какъ они ни посудятъ, что они ни подѣлаютъ, имъ все съ рукъ сходитъ, а нашъ братъ и путается съ ними.

— Да, братцы,—вмѣшался въ разговоръ третій свидѣтель,—иногда сердечные судьи и патакаютъ тебя изъ за пустяковъ за милую душу. Два года тому назадъ купецъ Соснинъ, производя вывозку лѣса изъ своей дачи, врубился въ мою полосу лѣса. На вывозкѣ управлять его довѣренный, то я на довѣреннаго и подать жалобу. Земскій и съѣздъ мнѣ въ жалобѣ отказами, потому что за порубку долженъ отвѣчать самъ хозяинъ, а не его довѣренный. Мною быть представленъ по этому дѣлу акты, составленныя сотскимъ о порубкѣ лѣса,—а и прошу съѣздъ выдать мнѣ обратно этотъ актъ, чтобы съ нимъ начинать новое дѣло. Въ съѣздѣ мнѣ сказали, что безъ свидѣтельства отъ какого-нибудь начальства.

они акта выдать мнѣ не могутъ. Обращаюсь къ земскому съ обвиненіемъ купца въ порубкѣ лѣса и съ просьбой выдать мнѣ свидѣтельство на полученіе акта. Земскій мнѣ отвѣтилъ, что онъ не вправѣ указывать присутственнымъ мѣстамъ выдавать документы и что съѣздъ самъ по-себѣ можетъ выдать мнѣ актъ. Подать я въ съѣздъ письменное заявленіе о выдачѣ акта и объяснилъ, что мнѣ отвѣтилъ земскій. Съѣздъ мнѣ прошеніе возвратилъ обратно съ надписью объ отказѣ въ моей просьбѣ; обратился я съ жалобой на земскаго и на съѣздъ губернскому присутствію—и тамъ мнѣ отказъ. Что думаю за бѣда такая: съ такимъ пустяшнымъ дѣломъ не могу добиться никакого толку... взялъ да и подалъ просьбу министру внутреннихъ дѣлъ, сбитяснивъ ему все мои мытарства. Только тогда земскій мнѣ выдать свидѣтельство, а когда я его представилъ въ съѣздъ, то получилъ оттуда актъ. На дѣлѣ и вышло: чтобы получить изъ съѣзда актъ, представленный мною же, пришлось промытарствовать цѣлый годъ, дойти до самого министра и израсходовать болѣе пяти рублей, не считая потерянаго въ дорогахъ времени. Да еще ладно, что у меня взялся хлопотать быеній писарь Ираклій Васильевичъ, который въ дѣлахъ, какъ говорится, былъ „дока“, а то бы пришлось совсѣмъ отступаться: не онъ бы, ни-за-что не достать бы акта.

— Ну хоть и „дока“ былъ, Ираклій Васильевичъ,—сказалъ Петровъ—но едва его пережили. Не дай Богъ и впередъ имѣть такихъ писарей. За чѣмъ ни коснись въ правленіе—безъ вина или безъ подарка къ нему и не ходи. Какъ ткнешь ему въ зубы двугривенный или полбутылки, такъ скоро тебя отпуститъ; иначе, проморить цѣлый день, а не то не одинъ разъ сбродишь въ правленіе, да иногда еще и утку тебѣ подпуститъ. Такъ изъ-за его милости мнѣ пришлось худо-худо рублей во-

семь зря заплатить... Чтобъ ему ни дна, ни покрывки!

Видите ли, у меня при немъ было дѣло такого рода: мои коровы попали на пожню мужиковъ деревни Карповской; тѣ ихъ застали, да и подали на меня въ волостной судъ прошеніе, и просили взыскать съ меня двѣнадцать рублей за потраву. Вызвали насъ на судъ. Я и говорю, что пожню вытравили не однѣ мои коровы, а ранѣе попадалъ на нее скотъ моихъ сосѣдей, то и за потраву слѣдуетъ платить не одному мнѣ, а всѣмъ со-обща. Въ доказательство того, что пожню вытравили не однѣ мои коровы, я просилъ вызвать и допросить свидѣтелей. Судьи въ моей просьбѣ отказали и присудили взыскать съ меня двѣнадцать рублей. Я подалъ жалобу на этотъ судъ земскому и объяснилъ въ ней, что судъ неправильно сдѣлалъ, что не допросилъ моихъ свидѣтелей, и просилъ рѣшеніе волостного суда отмѣнить. Но просьба моя осталась безъ послѣдствій, потому что въ рѣшеніи волостного суда не сказано, что я заявлялъ о допросѣ свидѣтелей. Вишь, писарь держалъ руку просителей, то онъ нарочно и не записалъ мое заявленіе. Такъ и пришлось заплатить всѣ двѣнадцать рублей.

— Вотъ ужъ, ребята, зато теперешній писарь на счетъ этого, такъ просто золото,—вмѣшался въ разговоръ Федоровъ:—что ни попроси его записать—не откажетъ; да и запишетъ-то какъ—вѣдь толково; хотя и немного онъ размазываетъ, но все, что нужно, у него тутъ есть. И самъ то онъ парень хотъ-куда: водки ни капли въ ротъ не беретъ, съ подарками къ нему и не суйся, потолкуетъ съ тобой толкомъ, и не задержитъ тебя—что нужно сдѣлаетъ и сейчасъ же отпустить: за чѣмъ къ нему ни приди—ни въ чемъ у него нѣтъ отказа. Такъ въ прошломъ году я пришелъ къ нему посоветоваться на счетъ купленной земли. Вишь, земля-то, семнадцать десятинъ, по купчей крѣпости числится за покойнымъ мо-

имъ отцомъ, а сю пользуется вотъ уже болѣе двадцати лѣтъ мой сосѣдъ. Я и хотѣлъ отъ сосѣда оттягать эту землю. Писарь мнѣ сказалъ: „хлопотать тебѣ попусту: хоть земля по купчей крѣпости и числится за твоимъ отцомъ, по сю владѣеть, какъ и ты самъ говоришь, твой сосѣдъ болѣе двадцати лѣтъ; а по закону: кто пользовался болѣе десяти лѣтъ хоть и чужей землей, по считая ее своей—земля его. Тягаться о землѣ, тебѣ придется въ окружномъ судѣ; а тамъ стоитъ это дорого: не мало придется гербовыхъ марокъ по восемьдесятъ копѣекъ купить, да и не мало еще прогоновъ и суточныхъ чиновникамъ надо заплатить,—еще какъ дѣло рѣшать не въ твою пользу, то съ тебя присудятъ взыскать судебныя и за веденіе дѣла издержки. Дѣло-то тебѣ и вскочить въ копѣечку; деньги-то ты попусту истрясешь, да и земли-то не получишь. Мой совѣтъ таковъ: лучше ты этого дѣла и не затѣвай, а то разорить оно тебя. Вѣдь поговорка правду про судъ говоритъ: потрава не деньги, а тяжба не хлѣбъ“. Я послушался его и не сталъ заводить дѣла; да ладно и сдѣлалъ: издержаться я бы издержался, и получить-то ничего не получилъ, только зря бы израсходовалъ деньги. Послѣ я достовѣрно узнать, что писарь говорилъ правду: мнѣ хлопотать о землѣ было совсѣмъ пусто.

Да, ребята, есть у насъ и очень хорошій судъ, окружный судъ, но онъ намъ почти недоступенъ. Посудите сами, это ладно ли: по уголовнымъ дѣламъ, когда въ тюрьмѣ изпываютъ арестанты, которыхъ иногда судъ оправдываетъ, повѣстки о вызовѣ въ судъ безвозмездно вручаетъ наше же волостное правленіе, а если ты захочешь отыскивать судомъ свое имущество, безъ котораго иногда жить нечѣмъ, или же захочешь размежевать общую дачу, чтобы лѣсъ не зря доводили, а каждый бы для себя хранилъ и съ умомъ бы пользовался,

то подай прогоны судебному приставу на тройку лошадей и суточные для врученія повѣстокъ; а если необходимо ѣхать члену суда и онъ имѣетъ большой чинъ, подай прогоны на шестерку лошадей.

Затѣмъ, ты долженъ избрать мѣсто жительства въ томъ городѣ, гдѣ находится окружный судъ; но мнѣ не бросить же свое хозяйство, и не жить изъ этого дѣла въ городѣ, можетъ быть цѣлые годы, какъ иногда тянутся эти дѣла. Приходится наймовать адвоката. А чуть коснется дѣло до адвокатовъ, они и оберутъ тебя какъ липку. Сколько еще нужно переплатить гербовыхъ марокъ да пошлинъ—не пересчитаешь.

Если судебныя и за веденіе дѣла издержки тебѣ и присудятъ, во все равно иногда не получишь—съ отвѣтника взять нечего,—у него нѣтъ имущества. Свидѣтельства же о бѣдности мнѣ не дадутъ, потому что я исправный хозяинъ. Поэтому ты и рѣшишь: лучше ужъ не судиться—имѣть то имущество, которое у тебя въ рукахъ, а не то, которое у тебя когда-то будетъ, да еще будетъ-ли—это вопросъ.

Тотъ же окружный судъ выѣзжаетъ въ уѣздные города для разрѣшенія уголовныхъ дѣлъ, почему же онъ не хочетъ въ это время разрѣшить гражданскія дѣла?

Между тѣмъ наши путники дошли до своей деревни и дружелюбно распрощавшись другъ съ другомъ, разошлись по домамъ.

VIII.

Въ слѣдующее воскресенье, въ сумерки, пара лошадей подвезла къ правленію земскаго начальника. Его встрѣтилъ одинъ разсыльный.

— Гдѣ писарь?—спросилъ земскій.

— Онъ ушелъ домой.

— Зачѣмъ?

— Не знаю.

— Есть въ правленіи кто-нибудь?

— Никого нѣтъ. Посидите немного, я сейчасъ съѣзжаю за писаремъ.

— Иди, по только какъ можно живѣй.

Розсыльный со всѣхъ ногъ пустился за писаремъ, и вскорѣ возвратился съ нимъ.

— Что у васъ за правленіе, что въ немъ, кромѣ розсыльнаго—никого нѣтъ,—встрѣтилъ писаря земскій.

— Я только что ушелъ къ себѣ въ деревню провѣдать домашнихъ,—объяснилъ писарь, стоя и руки пошеивая.

— Если вы отлучаетесь, то правленіе оставлять одно нельзя. Когда старшины и васъ въ немъ нѣтъ, долженъ находиться кандидатъ старшины или сельскій староста. Впередъ прошу васъ соблюдать этотъ порядокъ, иначе, какъ узнаю, что правленіе осталось одно, посажу васъ подъ арестъ.

— Хорошо.

— Покажите мнѣ книги.

Писарь положить передъ земскимъ цѣлую кону книгъ.

— Почему это вы рѣшаете дѣла вамъ неподсудныя,—сказать земскій.—Вотъ, напримѣръ, уголовное дѣло о присвоеніи найденнаго, если лицо, потерявшее имущество извѣстно, волостной судъ разбирать, а между тѣмъ, это дѣло подлежитъ моему вѣдѣнію.

— Принять дѣло къ разбору зависитъ не отъ меня, а отъ судей,—сказать писарь.

— Чего тутъ сваливать всю вину на судей, если двое изъ трехъ, рѣшавшихъ это дѣло, неграмотные, а самъ председатель едва выводитъ свою фамилію. Ты, какъ болѣе ихъ свѣдущій и долженъ разъяснять имъ статьи закона.

— Иногда я имъ и говорю, что такъ по закону не-
правильно, а они рѣшаютъ по своему: мои разсужденія,
если они не захотятъ ихъ слушаться, ни къ чему не
идутъ—дѣла рѣшаютъ судьи, а не я.

— Если они на слѣдующій разъ будутъ разрѣшать
явному вопреки закону, то вы кони съ рѣшеній этихъ
дѣлъ представляйте мнѣ. Я ихъ за невнимательное от-
ношеніе къ дѣлу подвергну дисциплинарному взысканію.
Они впередъ и будутъ поступать по закону.

— Слушаюсь.

— Это что такое: вмѣсто пронумерованныхъ, пронуму-
рованныхъ, скрѣпленныхъ печатью и подписью книгъ,
у васъ входящая и исходящая какія-то тетради бумаги.

— Вотъ уже скоро будетъ три мѣсяца какъ я зака-
залъ типографіи изготовить эти книги, но почему-то она
до сихъ поръ книгъ не высылаетъ; по вину типогра-
фіи и пришлось записывать на простыхъ тетрадяхъ, а
тамъ, послѣ, я, какъ получу книги, изъ тетрадей и пе-
ренесу въ нихъ.

— Вы обязаны были своевременно заботиться объ
изготовленіи книгъ, а не писать на какихъ-то доскут-
кахъ бумаги; а чтобы у васъ на будущее время не бы-
ло въ канцеляріи такихъ непорядковъ, я васъ штрафую
на три рубля. Затѣмъ, у васъ очень медленно рѣшенія
приводятся въ исполненіе. Такъ, на примѣръ, есть у васъ
такія дѣла, какъ уже рѣшенія вошли въ законную силу
еще не одинъ годъ тому назадъ и до сихъ поръ они не
приведены въ исполненіе. Прошу васъ не допускать
впередъ такой медленности при производствѣ дѣлъ.

— Хорошо. Только я нѣсколько разъ писалъ старо-
стамъ, чтобы они рѣшенія приводили въ исполненіе, но
они исполненіемъ не сѣбятъ, почему и медленность
происходитъ отъ нихъ, а не отъ насъ.

— Если они медлятъ исполненіемъ вашихъ поруче-

ній. сообщайте мнѣ, а у васъ этого никогда не водится. Вотъ вы сами неосмотрительно поступили при засвидѣтельствovanii условія объ отдачѣ Покровымъ Васильеву сѣнокоса въ аренду на девять лѣтъ, то вамъ со старинной и придется платить гербоваго штрафа рублемъ по семи.

— Мнѣ кажется, условіе это было оплачено гербовымъ сборомъ.

— Но невольгѣ: вы взяли гербовый сборъ только съ договоренной аренды въ годъ, а на самомъ дѣлѣ требуется при засвидѣтельствovanii условій наблюдать, что если имущество сдается въ аренду на нѣсколько лѣтъ, то чтобы гербовый сборъ былъ исчисленъ съ суммы, причитающейся за все арендуемые года, а не съ одного, какъ оно у васъ оплачено.

— Я этого не знаю.

— Неудѣліемъ закона нельзя отъиваться.

Земекій уѣхалъ. Цисаръ повѣсилъ голову и думалъ: „сберегъ я трудовыхъ денежекъ шестнадцать рублей, откладывая въ мѣсяць по два рублика, и хотѣлъ на нихъ себѣ шубу завести, а теперь ужъ не шуба: десять рублей придется заплатить штрафу, а на шесть рублей шубы не купишь. Видно, въ старой заплатанной шубенкѣ и придется трепаться цѣлую зиму“.

И больно горько у него сдѣлалось въ то время на душѣ.

12-го декабря 1901 года.